

— Цзинъюнь, — Гуань Яо заметил, что тот выглядит немного странно, — последние дни ты много трудился.

Ду Нуцзяо поспешила добавить:

— Совсем забыла упомянуть, последние дни я действительно много полагалась на твою заботу.

Сяо Кань натянуто улыбнулся:

— Ничего, это моя обязанность.

Ужин прошел в напряженной атмосфере, Сун Юй почти ничего не говорил и не обращал внимания на Сяо Кана.

Сяо Кань украдкой посмотрел на него, Сун Юй выглядел уставшим, и аппетит у него был неважный.

После того как все легли спать, Сяо Кань был настолько взволнован, что просто накинул верхнюю одежду и вышел из комнаты.

Покои Цинъюань всегда были тихими, независимо от времени года, здесь царила прохлада, а за домом находился бамбуковый лес, который добавлял еще больше уединения.

Окно комнаты Сун Юя было плотно закрыто, Сяо Кань смотрел на него, гадая, спит ли тот.

Продолжая идти, он обошел угол восточного крыла и заметил, что в боковой комнате Ду Нуцзяо все еще горел свет.

Сяо Кань собирался уже уйти, но в этот момент увидел, как на занавеске окна отразились две тени.

Даже по силуэтам было легко понять, кто это, но Сяо Кань почувствовал, будто что-то тяжелое давит ему на грудь. Он на цыпочках подошел к окну.

Сяо Кань напрягся, прижав ухо к оконной раме.

— Чунцзинь, ты поранил правую руку?

— Ничего страшного. То, о чем я тебе говорил ранее, запомни. В ближайшие дни я буду занят и не смогу уделить тебе время, если что, обратись к Цзинъюню.

— Я знаю...

— Просто запомни это и ложись спать пораньше.

— Ты тоже.

После этого разговор прекратился, и Сяо Кань поспешно спрятался.

Сун Юй вышел с мрачным лицом и быстро направился к своей комнате.

Сяо Кань последовал за ним, наблюдая, как тот заходит в комнату, немного приоткрывает окно и больше не шевелится.

Сяо Кань прижал ухо к стене, но не услышал никаких звуков, предположив, что Сун Юй уже лег спать.

Немного посидев на перилах коридора, Сяо Кань вдруг что-то вспомнил и быстро направился в свою комнату.

Он, как и Чжао Линьцзян ранее, добавил немного одурманивающего благовония в маленькую курильницу, зажег ее, убедился, что она не погаснет, и вышел из комнаты.

Подойдя к окну Сун Юя, он осторожно просунул курильницу в щель.

Проведя у двери полчаса, пока луна скрылась за облаками, Сяо Кань наконец осмелился тихо открыть дверь комнаты Сун Юя.

Благодаря мышечной памяти он взял лекарства, избежал препятствий в комнате и бесшумно подошел к кровати Сун Юя.

Наклонившись, он мог услышать тихое дыхание Сун Юя.

— Учитель? — тихо позвал Сяо Кань.

Ответа не последовало, он позвал еще раз, убедившись, что тот действительно крепко спит, и зажег свет.

Комната постепенно осветилась, и Сяо Кань смог рассмотреть лицо спящего Сун Юя.

Первым делом он дотронулся до серебряной серьги на левом ухе Сун Юя, ощутив легкий холод.

При свете это лицо, обычно строгое и суровое, выглядело спокойным и красивым. Оно редко улыбалось, тем более Сяо Каню.

Рассматривая его некоторое время, Сяо Кань наконец вспомнил о своей задаче.

Он закатал рукав правой руки Сун Юя и увидел, что запястье было обмотано белой тканью.

Размотав ее, он обнаружил рану длиной около двух дюймов, похожую на порез от лезвия. Половина раны уже затянулась, а другая половина, похоже, только что раскрылась, обнажая пугающую красноту.

— Учитель... — Сяо Кань провел пальцем по предплечью Сун Юя, его брови сведены в глубокой складке.

Он посыпал рану порошком реальгара, и тело Сун Юя слегка дрогнуло, вероятно, от боли. Сяо Кань тут же наклонился и подул на рану.

Но Сун Юй все еще не просыпался, и Сяо Кань не стал медлить. Он открыл два маленьких флакона, высыпал содержимое на рану и снова обмотал ее чистой тканью.

Не сдерживаясь, он положил ладонь на тыльную сторону руки Сун Юя.

В этот момент в голове Сяо Кана всплыло то, что он слышал за пределами бамбуковой хижины Гуань Яо.

— Чунцзинь.

Сяо Кань опустил глаза и произнес имя, которое больше всего хотел произнести.

— Чунцзинь, учитель, дядюшка. — Он не мог сдержаться и начал нежно тереть кожу на тыльной стороне руки Сун Юя, постепенно приближая ладонь к его щеке.

Поколебавшись, он в конце концов только отодвинул несколько прядей волос с виска Сун Юя.

Сяо Кань многое передумал, глядя на это лицо: прекрасное, невинное, развратное, неконтролируемое.

Но в конце концов он не мог не думать о том, что вызывало у него головную боль: о Ду Нуцзяо и о ее ребенке.

Чем больше он думал, тем сильнее раздражался, даже испытывая легкое негодование.

Если ребенок действительно Сун Юя... придется ли ему однажды покинуть Покои Цинъюань?

Сяо Кань действительно хотел получить ответ прямо от этого лица.

Потушив свет, он взял вещи и вышел, едва не забыв забрать курильницу с окна.

Этой ночью Сяо Кань спал очень беспокойно, сны сменялись один за другим.

— Вот, это твой старший брат Цзинъюнь, поздоровайся.

— Цзинъюнь, что случилось, это твой младший брат.

— Дядюшка, нет, дядюшка...

Сяо Кань увидел во сне, как Сун Юй держит на руках трехлетнего ребенка, который плачет и называет его «папой». Ду Нуцзяо, прижавшись к Сун Юю, утешает малыша.

Через мгновение сон перенес его за пределы бамбуковой хижины Гуань Яо.

Сяо Кань стоит снаружи, окно приоткрыто, и на кровати внутри лежат двое.

— Это... Линьцзян и дядюшка Яо... Нет.

Сяо Кань покачал головой, пытаясь разглядеть, кто это, но на кровати были не Чжао Линьцзян и Гуань Яо.

А мужчина и Сун Юй, их одежда расстегнута, волосы сплетены, шеи и уши соприкасаются, полужакрытые глаза Сун Юя опираются на грудь другого...

Сяо Кань в ярости распахнул дверь хижины, ворвался внутрь и схватил человека, лежащего на Сун Юе.

Однако, когда тот поднял голову, Сяо Кань замер.

Почему это его лицо? Почему это он?

Сяо Кань отпустил его, и Сун Юй лениво прижался к другому Сяо Каню...

Он был в ужасе, не мог смотреть на этого Сяо Кана и Сун Юя, отступил на два шага и бросился бежать из хижины, но поскользнулся на каменных ступенях и скатился вниз.

В полной темноте Сяо Кань с тяжелым дыханием открыл глаза и увидел потолок.

Это был просто сон.

Сяо Кань потер лоб, пытаясь успокоиться, и посмотрел в окно. Было еще рано, но уже начинало светать.

Он снова закрыл глаза, надеясь отдохнуть, но в голове снова возникали образы из сна.

Эти эротические сцены, звуки страсти, знакомые лица — все это снова и снова атаковало его сознание.

Сяо Кань с раздражением перевернулся на бок, чувствуя, как в его теле пробуждается нечто, чего не должно было быть.

— Утренний стержень... — Сяо Кань сжал одеяло, мысленно ругая себя.

Но чем больше он пытался себя успокоить, тем сильнее становилось это ощущение.

Ему и в голову не приходило, что сон может привести к такому.

С чувством вины и подавленного возбуждения Сяо Кань наполовину укрылся одеялом, постепенно его лоб покрылся потом, и, когда рассвело, он, прижавшись губами к подушке, глухо застонал, сжав в руке что-то теплое и влажное.

Когда Сяо Кань привел себя в порядок и направился на кухню, он обнаружил, что Ду Нуцзяо уже разжигает огонь.

— Цзинъюнь, — Ду Нуцзяо явно была немного смущена, словно ее застали за чем-то нехорошим.

Сяо Кань поспешил взять у нее дрова:

— Сестра Ду, зачем ты так рано встала? Я сам все сделаю, иди отдыхай.

— Я... — Ду Нуцзяо слегка прикусила губу. — Я уже несколько дней здесь, как я могу спокойно сидеть сложа руки?

Сяо Кань бросил дрова в печь:

— Я всегда это делаю, сестра Ду, не беспокойся. К тому же, если дядюшка узнает, он будет ругать меня за то, что я плохо о тебе заботился.

— Нет, Чунцзинь он...

— Ты еще не поправились, оставь это мне. Если хочешь помочь, подожди, пока поправишься, — Сяо Кань уверенно взял топор и начал рубить дрова.